

A photograph of a winter forest. The trees are covered in snow, and a stream flows through the center of the scene. The overall tone is cold and serene.

WISŁAWA SZYMBORSKA
100 + 1 wiersz

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ
100 + 1 стихотворение

в переводах Елены Катишонок

Vivian Spink

WISŁAWA **SZYMBORSKA**

100 + 1 wiersz

Вислава **ШИМБОРСКАЯ**

100 + 1 стихотворение

в переводах Елены Катишонок

БОСТОН • **2025** • BOSTON

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ. 100+1 стихотворение
в переводах Елены Катишонок

WIŚŁAWA SZYMBORSKA. 100+1 Poems
translated by Elena Katishonok

Оригиналы стихотворений печатаются по изданию:
Wiśława Szymborska: Wiersze wszystkie
Wydawnictwo Znak, Kraków 2023

© The Wisława Szymborska Foundation,
all works by Wisława Szymborska
www.szymborska.org.pl

© 2024 by Elena Katishonok, *translation*

© 2025 by M•GRAPHICS, *design and layout*

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder(s).

ISBN 978-1960533685

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

On the cover:

"Snow Tree Reflection". Photograph by E. Palagashvili © 2008

- Elena Katishonok photo: *Wikipedia.com*
- Wisława Szymborska photo: *Wikimedia Commons* /used under GNU Free Documentation License
- Wisława Szymborska autograph: *Wikimedia Commons* /from private collection of Jacek Proszky and used under CC-BY-SA-4.0 license

Printed in the USA / Отпечатано в США

Выражаю сердечную благодарность моему польскому другу Эльжбете Тышковской-Каспшак — не только за то, что она навсегда заразила меня любовью к поэзии Виславы Шимборской, но и за её неоценимую помощь и постоянную поддержку в процессе создания этой книги.

Елена Катишонок

ЯРМАРКА ЧУДЕС

О поэзии Виславы Шимборской

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ (*Wisława Szymborska*), 1923–2012 — польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии 1996 года. Её детство и часть юности прошли в промежутке между двумя Мировыми войнами. Полонистику и социологию изучала в Кракове, в Ягеллонском университете.

Всю жизнь В. Шимборская посвятила литературе — стихам, эссе, переводам французской поэзии. «Поэты только и делают, что ищут слова» — это её высказывание относится в первую очередь к ней самой. Шимборская всегда находила нужные — лаконичные, точные, часто ироничные. Первое стихотворение так и называется: «Ищу слова».

Вислава Шимборская прожила долгую и очень насыщенную творческую жизнь, в течение которой было издано 13 сборников стихов. В числе наград — литературная премия Гёте (1991), через несколько лет — премия Гердера; в 1996 — награда Польского ПЕН-клуба и Нобелевская премия. Её стихи переведены более чем на сорок языков. В 2011 году поэтесса получила высшую государственную награду Польши — Орден Белого Орла.

В чём притягательность поэзии Шимборской? Её стихи, при их кажущейся простоте, едва ли не наивности, отличаются необычно глубоким видением. Так умеют смотреть только дети, не успевшие повзрослеть и утратить свойственную детству мудрость. Это взгляд Поэта на мир — и умение описать себя, своего лирического героя, глазами мира, встретившего его взгляд,

единственными, точно найденными, словами. Жизнь как ярмарка чудес, где каждый новый день — отдельное и неповторимое чудо. Стихи как маленькие философские трактаты с неожиданными парадоксами.

Именно эта особенность отмечена формулировкой Нобелевского комитета при вручении премии: «за поэзию, которая с предельной точностью описывает исторические и биологические явления в контексте человеческой реальности». Лирический герой Виславы Шимборской может вести диалог с немым собеседником («Молчание растений», «Из несостоявшегося путешествия в Гималаи»), наблюдать социум, частью которого является, но при этом всё же остаться самим собой, как «В реке Гераклита». Читая, ловишь себя на мысли, что и древняя Иудея, и раскопанная Троя гораздо ближе к нам, сегодняшним, чем могло бы показаться. И кто я сам, спрашивает себя герой, ведь внезапно хочется понять, являешься ли ты экспериментатором или же объектом чужого эксперимента.

В этом и заключается магия гениальных стихов — читатель обнаруживает себя на месте героя, поддерживая внешне абсурдный диалог «На Вавилонской башне», отпуская лететь воздушный шарик, вертясь с боку на бок в четыре утра, листая семейный альбом, просыпаясь с мокрым от слёз лицом, потому что снились умершие любимые. И ту малышку, которая тянет скатерть в другой квартире, в другое время и в другой стране — да, я знаю её, как знают многие и многие другие.

Интимная лирика — и стойкие протестные строки о войне. О любой войне, вчерашней, сегодняшней или той, которая разбудит нас завтра. О любой войне, будь то Первая Мировая, от ужасов которой можно забыться только в бесконечном танце под саксофон, о трагедии Второй, где поезда уносят в смерть миллионы жертв, о войне во Вьетнаме...

За мнимой внешней бесхитростью — философские рассуждения о мире вокруг нас и о других мирах,

достижимых только поэтическим воображением. Поэт щедро наделяет этим даром воображения дерево, звезду, камень, черепаху, стебель травы. Радость и горе, плач и смех, трагедия и фарс в стихах Шимборской неотделимы друг от друга. Как и в жизни.

Нобелевский комитет назвал Шимборскую «Модернисткой поэзией». В стихах — удивление огромностью и богатством мира и в то же время изумление от того, насколько он тесен. Удивление — одно из её ключевых слов:

Я могла быть собой, но без удивления —
это бы означало,
что я вовсе не я.

«Из множества»

В Нобелевской лекции Виславы Шимборской, лаконичной, как и её стихи, останавливают слова — они звучат как предупреждение: «...всякое знание, которое не порождает очередных вопросов, очень быстро умирает... В самых крайних случаях — чему есть примеры и в древней, и в новейшей истории — оно даже может стать смертельно опасным для общества. Поэтому я так высоко ценю два коротких слова: «не знаю». Маленьких, но всемогущих. Открывающих для нас пространства, которые спрятаны в нас самих, и пространства, в которых затеряна наша крошечная Земля. Если бы Исаак Ньютон не сказал себе «не знаю», яблоки в его саду могли бы сыпаться градом у него на глазах, а он бы в лучшем случае подбирал их и с аппетитом съедал».

...Одна итальянская газета назвала В. Шимборскую «Гретой Гарбо мировой поэзии». Мне бы хотелось добавить: Гретой Гарбо, которая улыбается. Это улыбка очень мудрого и доброго человека, который умеет посмеяться и над собой. В одном из интервью я нашла её подтверждающее высказывание: «...написание сти-

хов — это, в определённом смысле, акт эксгибиционизма. Но у меня это, скажем так, эксгибиционизм с долей самоиронии».

Её считали излишне скромной, называли затворницей из-за нелюбви к многолюдным сборищам. Об этом прекрасно сказано в стихотворении «Немного о душе»:

Она прихотлива:
не любит, когда мы толпимся
и спорим о прежних заслугах,
и трещим деловито.

Ибо «поэзия рождается в молчании», уверена Шимборская. Да, «В начале было Слово», но мы не знаем, как долго длилось молчание, в итоге которого Слово родилось.

В одном из интервью её спросили: почему вы так мало пишете? Ответ последовал совершенно «шимборский»: «Просто у меня в доме есть мусорное ведро».

Елена Катишонок

SPIS TREŚCI

СОДЕРЖАНИЕ

z tomiku		из сборника	
<i>Czarna piosenka</i>		<i>Чёрная песня</i>	
Powrót żalu.	16	Возвращение печали	17
Czarna piosenka	18	Чёрная песня	19
Z tomiku		Из сборника	
<i>Wołanie do Yeti</i>		<i>Призыв к Йети</i>	
Noc	20	Ночь.	21
Hania	26	Ханя.	27
Nic dwa razy	28	Ничто дважды	29
Buffo	30	Буффонада	31
Drobne ogłoszenia.	34	Короткие объявления	35
„Historia nierychliwa...”	38	«История неторопливо...»	39
Jeszcze	40	Ещё	41
Martwa natura		Натюрморт с воздушным	
z balonikiem	42	шариком	43
Z nieodbytej wyprawy		Из несостоявшегося	
w Himalaje	46	путешествия в Гималаи	47
Czwarta nad ranem	50	Четыре часа утра	51
Obmyślam świat	52	Осмысливаю мир	53
Z tomiku		Из сборника	
<i>Sól</i>		<i>Соль</i>	
Muzeum	56	Музей	57
Chwila w Troi	58	Минута в Трое	59
Reszta.	62	Остаток	63
Clochard	64	Клошар	65

Słówka	66	Слова	67
Przypowieść	68	Притча	69
Ballada	70	Баллада	71
Wieczór autorski	74	Авторский вечер	75
Nagrobek	76	Надгробие	77
„Jestem za blisko”	78	«Я слишком близко...»	79
Na wieży Babel	80	На Вавилонской башне	81
Sen	82	Сон	83
W rzece Heraklita	84	В реке Гераклита	85
Rozmowa z kamieniem	86	Разговор с камнем	87

Z tomiku
Sto pociech

Radość pisania	92
Pamięć nareszcie	96
Pejzaż	98
Album	102
Śmiech	104
Dworzec	108
Spis ludności	112
Monolog dla Kasandry	116
Ścięcie	120
Pięta	122
Niewinność	124
Do serca w niedzielę	126
Ruch	128

Z tomiku
Wszelki wypadek

Wszelki wypadek	130
Spadające z nieba	132
Pomyłka	134
W przytułku	136

Из сборника
Sto utech

Радость творчества	93
Память находит	97
Пейзаж	99
Альбом	103
Смех	105
Вокзал	109
Перепись населения	113
Монолог для Кассандры	117
Казнь	121
Сострадание	123
Невинность	125
Сердцу – в воскресенье	127
Движение	129

Из сборника
Всякий случай

Всякий случай	131
Падение с неба	133
Ошибка	135
В богадельне	137

Prospekt	138	Реклама.	139
Powroty.	140	Возвращение.	141
Szkielet jaszczura	142	Скелет ящера	143
Pogoń	146	Погоня	147
Przemówienie w biurze znalezionych rzeczy	150	Речь в бюро находок	151
Urodziny	152	День рождения	153
Znieruchomienie.	154	Обездвиженность	155
Pochwała snów.	157	Похвальное слово снам	158

Z tomiku
Wielka liczba

Podziękowanie	160
Żona Lota.	164
Sen starego żółwia.	168
Portret kobiety.	170
Pokój samobójcy	172
Życie na poczekaniu	174

Из сборника
Большое число

Благодарность	161
Жена Лота	165
Сон старой черепахи	169
Портрет женщины	171
Комната самоубийцы	173
Жизнь экспромтом	175

Z tomiku
Ludzie na moście

Odzież	178
Dom wielkiego człowieka 180	180
Krótkie życie naszych przodków	184
Pierwsza fotografia Hitlera	188
Tortury	192
Pogrzeb („tak nagle”)	196
Jarmark cudów	198
Ludzie na moście.	202

Из сборника
Люди на мосту

Одежда	179
Дом великого человека	181
Короткая жизнь наших предков	185
Первая фотография Гитлера	189
Пытки.	193
Похороны («так неожиданно»)	197
Ярмарка чудес	199
Люди на мосту.	203

Z tomiku <i>Koniec i początek</i>	Из сборника <i>Конец и начало</i>
Niektórzy lubią poezję. 206	Некоторые любят поэзию . 207
Koniec i początek 208	Конец и начало 209
Nienawiść. 212	Ненависть 213
Kot w pustym mieszkaniu . 216	Кошка в пустом доме. . . . 217
Pożegnanie widoku 220	Прощанье с пейзажем . . . 221
Seans 224	Сеанс 225
Miłość od pierwszego wejrzenia 228	Любовь с с первого взгляда 229
Może to wszystko 232	Может быть... 233
Nic darowane 236	Ничего своего 237
Wielkie to szczęście 240	Огромное счастье. 241

Z tomiku <i>Chwila</i>	Из сборника <i>Минута</i>
W zatrzęsieniu 242	Из множества 243
Chmury 246	Тучи 247
Negatyw 250	Негатив. 251
Słuchawka 252	Телефонная трубка 253
Trzy najdziwniejsze słowa. 254	Три самых странных слова 255
Milczenie roślin 256	Молчание растений 257
Mała dziewczynka ściąga obrus 260	Малышка стаскивает скатерть 261
Ze wspomnień 262	Из воспоминаний. 263
Kałuża. 264	Лужа. 265
Trochę o duszy 266	Немного о душе 267
W parku. 270	В парке 271
Fotografia z 11 września 272	Фотография от 11 сентября 273
Notatka 274	Заметка 275
Wszystko 276	Всё. 277

Z tomiku <i>Dwukropek</i>	Из сборника <i>Двоеточие</i>
Nieobecność 278	Отсутствие 279
ABC 282	Азбука 283
Perspektywa 284	Перспектива 285

Z tomiku <i>Tutaj</i>	Из сборника <i>Здесь</i>
Tutaj. 286	Здесь 287
Rozwód. 290	Развод. 291
Vermeer. 292	Вермеер. 293

Z tomiku <i>Wystarczy</i>	Из сборника <i>Довольно</i>
Są tacy, którzy 294	Есть такие... 295
Każdemu kiedyś 296	У каждого хоть раз... 297
Dłoń. 298	Рука 299

<i>Wiersze rozproszone</i>	<i>Отдельные стихи</i>
Zmiana wizerunku. 300	Изменение образа 301
Gdyby 302	Если бы 303

POWRÓT ŻALU

Nie rozpoznać mi tego lasu,
nie szukać znaku po niebie.
Niebo i las ściegami salw
na śmierć zeszyto.

Ziemió niczyja: twoja i moja.
Obłoku co przemijasz.
Myśli ostatnia, której nie wiem.
Salwo nie usłyszana.

. . . . .
Chwilą błahszą niż pył,
bez przeczuc (wina i kara)
przeżyłam cię — nie wybaczej —
jak dziecko we śnie. Jak owad.

Podwójne życie: życie i ty.
Podwójna śmierć: śmierć i ja.
Podwójna pustka: ty — twój syn,
którego nigdy nie urodzę.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕЧАЛИ

Не узнать мне ту рощу,
не искать знак на небе.
Небо с рощей стежками залпов
намертво сшиты.

Земля ничья — твоя и моя,
облако пропускаешь.
Последняя мысль, которой не знаю.
Залп, что не был услышан.

. . . . .
Минуту банальнее пыли,
без предчувствий вины и кары,
пережила тебя (не прощай мне),
как дитя во сне. Как букашка.

Жизнь двойная: жизнь — и ты.
Смерть двойная: смерть и я.
Пустота двойная: ты — и твой сын,
которого не рожу я.

CZARNA PIOSENKA

Saksofonista przeciągły, saksofonista kpiarz
ma własny system świata, nie potrzebuje słów.
Przyszłość — któż ją odgadnie. Przeszłości pewien — któż.
Myśli zmrzyć i grać czarną piosenkę.

Tańczono twarzą przy twarzy. Tańczono. Nagle ktoś
upadł.
Głową o parkiet, w takt. Omijano go w rytmie.
Nie widział kolan nad sobą. Powieki świły blade,
wyjęte z ciśnienia wrzawy i nocy dziwnych kolorów.

Nie tragizujmy. On żyje. Może za dużo pił
i krew na skroni to szminka? Tutaj nie stało się nic.
To jest zwyczajny leżący. Sam upadł i wstanie sam,
skoro już przeżył tę wojnę. Tańczono w słodkiej
ciasnocie,
wentylatory mieszały żywioł upalny i chłodny,
saksofon zawodził psio do różowego lampionu.

ЧЁРНАЯ ПЕСНЯ

Саксофонист — виртуоз, саксофонист-шапито —
со своею вселенной, что не требует слов.
Кто о будущем знает? В прошлом уверен — кто?
Осталось играть зажмурившись чёрную песню.

В танце, щека к щеке. В танце. Вдруг кто-то
упал
в пол головою, в такт. Обошли его в ритме.
Он не видел ног над собою. Лишь веки бледнели,
не ощущая напора шума и красок ночи.

Не паникуем: жив он. Может быть, перепил,
и кровь на виске — губная помада? Всё в порядке.
Он просто лежит. Сам упал и поднимется сам,
если уж пережил эту войну. Томная близость
танца,
вентилятор месил стихии жара и холода,
саксофон выл пёсье соло розовому чемпиону.

Noc

*I rzekł Bóg: Weźmij syna twego jednorodzonego,
którego miłujesz, Izaaka, a idź z nim do ziemi
Moria i tam go ofiarujesz na całopalenie
na jednej z gór, którą tobie wskażę.*

Co takiego zrobił Izaak,
proszę księdza katechety?
Może piłką wybił szybę u sąsiada?
Może rozdarł nowe spodnie,
gdy przechodził przez sztachety?
Kradł ołówki?
Płoszył kury?
Podpowiadał?

Niech dorośli
leżą sobie w głupim śnie,
ja tej nocy
muszę czuwać aż do rana.
Ta noc milczy,
ale milczy przeciw mnie
i jest czarna
jak gorliwość Abrahama.

Gdzie się skryję,
gdy biblijne oko boże
spocznie na mnie
jak spoczęło na Izaaku?
Stare dzieje
Bóg, gdy zechce, wskrzesić może.
Więc naciągam koc na głowę
w mrozie strachu.

Ночь

*И сказал Бог: возьми сына твоего единокровного,
которого ты любишь, Исаака, и пойдя с ним в
землю Мория, и там принеси его во всесожжение
на одной из гор, о которой я скажу тебе.*

Что Исаак такого сделал —
у ксендза спросить мне надо.
Может, он разбил мячом стекло соседа?
Может быть, штаны порвал он,
когда лез через ограду?
Кур гонял?
Чернила пролил?
Крал конфеты?

Все уснули
и лежат в бездумном сне,
этой ночью
я зари дождусь упрямо.
Ночь молчит —
она молчит, враждебна мне,
и черна,
как и готовность Авраама.

Где мне скрыться
от всевидящего ока,
если взглянет
на меня, как на Исаака?
Все проказы
Бог откроет, и в тревоге
в одеяле с головой
дрожу от страха.

Coś niebawem
zabieleje przed oknami,
ptakiem, wiatrem
po pokoju zaszumi.
Ale przecież nie ma ptaków
z tak wielkimi skrzydłami,
ani wiatru
w takiej długiej koszuli.

Pan Bóg uda,
że wefrunął przypadkiem,
że to wcale a wcale nie tutaj,
a potem weźmie ojca
do kuchni na konszachty,
z dużej trąby mu w uszy zadmucha.

A gdy jutro skoro świt
ojciec w drogę mnie zabierze,
pójdę, pójdę,
pociemniała z nienawiści.
W żadną dobroć, w żadną miłość
nie uwierzę,
bezbronniejsza
od listopadowych liści.
Ani ufać,
nic niewarte jest ufanie.
Ani kochać,
żywe serce nosić w piersiach.
Gdy się stanie, co się stać ma,
gdy się stanie,
bić mi będzie grzyb suszony
zamiast serca.

Что-то белое за окнами клубится,
птицей, ветром
прямо в комнату ворвётся.
Но таких огромных крыльев
нет у птицы,
а за ветром
длинный шлейф рубашки вьётся.

Скажет Бог,
что заглянул случайно,
что в другое место собирался,
а потом с отцом на кухне
потихоньку сговорится,
из трубы ему задует в уши.

И отец чуть только свет
уведёт меня с собою,
и пойду, пойду за ним я,
мрачная от ненависти.
Ни в добро и ни в любовь я
не поверю,
я слабее,
чем ноябрьские листья.
Ни доверья —
ничему не стоит верить, —
Ни любви нет,
хоть в груди живое сердце.
Будь что будет, будь где будет
то что будет —
станет биться гриб сушёный
вместо сердца.

Czeka Pan Bóg
i z balkonu chmur spoziera,
czy się ładnie, czy się równo
stos zapali
i zobaczy,
jak na przekór się umiera,
bo ja umrę,
nie pozwolę się ocalić!

Od tej nocy
ponad miarę złego snu,
od tej nocy
ponad miarę samotności,
zaczął Pan Bóg
pomalutku
dzień po dniu
przeprowadzkę
z dosłowności
do przerośni.

1956

Ждёт Господь,
с балкона тучи наблюдает:
ровно ль занялся костёр,
горит ли пламя,
и увидит,
как упрямы умирают –
ибо я умру,
спасти себя не дам я!

С этой ночи
и с мучительного сна,
с этой ночи
в одиночестве безмерном
Господь Бог стал
понемножку
день от дня
уходить
от безусловности
в химеры.

HANIA

Widzicie, to jest Hania, służąca dobra.
A to nie są patelnie, to są aureole.
A ten rycerz ze smokiem to jest święty obraz.
A ten smok to jest marność na tym łez padole.

A to żadne korale, to Hani różaniec.
A to buty z nosami startymi od klęczeń.
A to jej chustka czarna jak nocne czuwanie,
kiedy z wieży kościoła pierwszy dzwon zadźwięczy.

Ona widziała diabła, kurz ścierając z lustra:
Był siny, proszę księdza, w takie żółte prążki
i spojrzał tak szkaradnie, i wykrzywił usta,
i co będzie, jeżeli wpisał mnie do książki?

Więc ona da na bractwo i da na mszę świętą,
i zakupi serduszko ze srebrnym płomieniem.
Odkąd nową plebanię budować zaczęto,
od razu wszystkie diabły podskoczyły w cenie.

Wielki to koszt wywodzić duszę z pokuszenia,
a tu już starość idzie i kość kością stuka.
Hania jest taka chuda, tak bardzo nic nie ma,
że zabłądzi w bezmiarze Igielnego Ucha.

Maju, oddaj kolory, bądź jak grudzień bury.
Gałązko ulistniona, ty się wstydz za siebie.
Słońce, żałuj, że świecisz. Biczujcie się, chmury.
Wiosno, owiń się śniegiem, a zakwitniesz w niebie!

Nie słyszałam jej śmiechu, płaczu nie słyszałam.
Wyuczona pokory, nic od życia nie chce.
Towarzyszy jej w drodze cień — żałoba ciała,
a chustka postrzępiona ujada na wietrze.

1956

ХАНЯ

Знакомьтесь: вот Ханя, служанка на совесть.
Это не сковородки — это ореолы.
А тот рыцарь с драконом — святая повесть,
а дракон — символ тщетного в слёз юдоли.

А то вовсе не бусы, то Ханины чётки.
А туфли истёрты от долгих молений.
А платок, как полночное бдение, чёрный,
в ожидании благовеста в воскресенье.

Она видела дьявола, пыль вытирая:
смотрел так ужасно и рот кривил гадко,
он таился, пан ксёндз, у зеркала края;
и что если вписал он меня в тетрадку?

На храм она жертвует, на святую мессу,
купит ладанку с сердцем носить на теле.
Но с тех пор как начали стройку на месте,
то на дьяволов сразу цены взлетели.

Очень дорого стоит спасать свою душу,
а старость в дверях, и ноют все кости.
Ханя просто заблудится в игольном ушке —
так она исхудала, истаяла плотью.

Май, поблёкни и стань, как декабрь, мрачен.
Пышная ветка, как тебе стыдно не было?
Солнце, не свети, кайся. Облака, спрячьтесь.
Кутайся в снег, весна, а зацветёшь на небе.

Я не слышала ни её плача, ни смеха.
Вечно покорна, она жизненных благ не хотела.
Только тень ей сопутствует — траур по телу,
а ветхий платок огрызается злomu ветру.

NIC DWA RAZY

Nic dwa razy się nie zdarza
i nie zdarzy. Z tej przyczyny
zrodziliśmy się bez wprawy
i pomrzemy bez rutyny.

Choćbyśmy uczniami byli
najtępszymi w szkole świata,
nie będziemy repetować
żadnej zimy ani lata.

Żaden dzień się nie powtórzy,
nie ma dwóch podobnych nocy,
dwóch tych samych pocałunków,
dwóch jednakich spojrzeń w oczy.

Wczoraj, kiedy twoje imię
ktoś wymówił przy mnie głośno,
tak mi było, jakby róża
przez otwarte wpadła okno.

Dziś, kiedy jesteśmy razem,
odwróciłam twarz ku ścianie.
Róża? Jak wygląda róża?
Czy to kwiat? A może kamień?

Czemu ty się, zła godzino,
z niepotrzebnym mieszasz lękiem?
Jesteś — a więc musisz minąć.
Miniesz — a więc to jest piękne.

Uśmiechnięci, wespółjęci
spróbujemy szukać zgody,
choć różnimy się od siebie
jak dwie krople czystej wody.

1955

НИЧТО ДВАЖДЫ

Ничего не будет дважды,
ничего не повторится:
мы родились лишь однажды
и умрём без репетиции.

Если б даже в школе жизни
были мы совсем тупицы,
на второй год всё равно нас
не оставили б учиться.

Повториться день не может,
не найти две равных ночи,
поцелуев двух похожих
и двух взглядов прямо в очи.

Кто-то звал тебя недавно,
твоё имя прозвучало —
это было, словно роза
вдруг в окно моё упала.

Хоть сегодня мы и вместе,
в пол упёрлась я глазами,
и цветок, что мнился розой,
оказался просто камнем.

Злое время, почему ты
страх с собой приносишь вечно?
Час пробьёт, за ним минута,
минешь ты — и я беспечна.

Вполобьятья, улыбаясь,
мы спешим договориться,
друг от друга отличаясь,
как воды две капли чистой.

BUFFO

Najpierw minie nasza miłość,
potem sto i dwieście lat,
potem znów będziemy razem:

komediantka i komediant,
ulubieńcy publiczności,
odegrają nas w teatrze.

Mała farsa z kupletami,
trochę tańca, dużo śmiechu,
trafny rys obyczajowy
i oklaski.

Będziesz śmieszny nieodparcie
na tej scenie, z tą zazdrością,
w tym krawacie.

Moja głowa zawrócona,
moje serce i korona,
głupie serce pękające
i korona spadająca.

Będziemy się spotykali,
rozstawali, śmiech na sali,
siedem rzek, siedem gór
między sobą obmyślali.

I jakby nam było mało
rzeczywistych klęsk i cierpień
— dobijemy się słowami.

БУФФОНАДА

Первой наша страсть минует,
после — сто и двести лет,
после снова будем вместе:

лицедей и лицедейка,
зрительские фавориты —
так сыграют нас в театре.

Фарс коротенький, куплеты,
чуть-чуть танца, много смеха,
несколько известных фактов
и овации.

Ты смешон, конечно, будешь
с этой ревностью на сцене,
а уж галстук...

Голова моя кружится,
сердце бешено стучится,
щемит сердце, и корона
с сердцем падает синхронно.

Наши встречи, расставанья,
ссоры (в зале гоготанье),
то что было и что сплыло
обсуждали с пониманьем.

Словно нам досталось мало
в жизни горя и страданий,
мы сражаемся словами.

A potem się pokłonimy
i to będzie farsy kres.
Spektatorzy pójdą spać
ubawiwszy się do łez.

Oni będą ślicznie żyli,
oni miłość obłaskawią,
tygrys będzie jadł z ich ręki.

A my wiecznie jacyś tacy,
a my w czapkach z dzwoneczkami,
w ich dzwonienie barbarzyńsko
zastuchani.

1956

Мы поклонимся на сцене —
фарс окончится. Финал.
Утирая слёзы смеха,
зрители покинут зал.

Они будут жить красиво,
укротят любовь, и тигр
будет есть у них с ладони.

А мы вечно будем нами,
в капюшонах с бубенцами,
зачарованы дикарским
их бряцаньем.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

ЕЛЕНА КАТИШОНОК родилась и до 1991 года жила в Риге. Окончила филологический факультет Латвийского университета.

Живёт в Бостоне, преподаёт русский язык, занимается редакторской работой, переводами. Дебютировала сборником стихов «Блокнот» в 2005 году.

Е. Катишонок — автор шести романов, трёх сборников стихов и сборника малой прозы. Финалист литературной премии Русский Букер (2009). Лауреат премии Ясная Поляна (2011).

В 2023 её переводы с польского поэзии Виславы Шимборской удостоились премии имени Эрнеста Хемингуэя (литературный журнал «Новый свет», Канада).

WISŁAWA SZYMBORSKA (1923–2012) — polska poetka, laureatka Nagrody Nobla w 1996 r. Jej wiersze odzwierciedlające uważne, głębokie, a czasem ironiczne postrzeganie świata zostały przetłumaczone na wiele języków. Liryka miłosna i filozoficzna, celne portrety psychologiczne, umiejętność dostrzegania elementów niezwykłych w codzienności — wszystko to budzi niesłabnące zainteresowanie czytelników.

Na niniejsze dwujęzyczne wydanie składają się wybrane wiersze Wisławy Szymborskiej oraz ich przekład na język rosyjski. Obecnie jest to najobszerniejszy zbiór rosyjskich tłumaczeń utworów tej poetki.

Autorką przekładów jest Jelena Katiszonok — poetka, prozaiczka i tłumaczka. W 2023 roku za tłumaczenia poezji Wisławy Szymborskiej została uhonorowana Nagrodą Ernesta Hemingwaya (Kanada). Wydanie książki „100+1 wiersz” poświęcono sto pierwszej rocznicy urodzin polskiej poetki.

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ (1923–2012) — одна из крупнейших фигур польской литературы и лауреат Нобелевской премии 1996 года. Её стихи, отличающиеся пристальным, глубоким и нередко ироничным взглядом на окружающий мир, переведены на множество языков. Любовная и философская лирика, тонкие психологические портреты и умение разглядеть необычное в повседневном вызывают у читателей неослабевающий интерес.

Настоящее двуязычное издание представляет избранные стихотворения Виславы Шимборской в переводе на русский язык и на сегодняшний день является самым полным собранием её переводов на русский язык.

Автор переводов — Елена Катишонок, поэт, прозаик и переводчик. В 2023 году её переводы поэзии Виславы Шимборской были удостоены премии имени Эрнеста Хемингуэя (Kanada). Издание книги „100+1 стихотворение” приурочено к сто первой годовщине со дня рождения поэта.

ISBN 978-1-960533-68-5

